

Мельников-Печерский П. И.

БАБУШКИНЫ РОССКАЗНИ

Рассказ

Мельников-Печерский П. И. Собрание сочинений в 6 т.
М., Правда, 1963. (Библиотека "Огонек").
Том 1, с. 195-240.
OCR: sad369 (г. Омск)

Бабушка Прасковья Петровна Печерская кончила жизнь далеко за сотню годов от роду. На старости летхватила старушка греха на душу – молодилась. Бывало, бабушке все восьмой десяток в доходе. Лет двадцать пять доходил – так и не дошел.

Бабушка Прасковья Петровна на самом-то деле была мне прапрабабушкой, да мы все ее бабушкой звали. И это старушке нравилось.

Спросишь, бывало:

– В котором году родились вы, бабушка?

– А вот уж года-то, mon сœur, {душа моя (франц.)} и не упомяну, – ответит. – Да ты считай: покойница матушка принесла меня в самый тот день, как на Охте попа жгли. Привозил того попа в Петербург князь Дундук, а князь Дундук в ту пору был еще некрещеный, и тот поп был у него самый набольший: по-нашему архиерей, по-ихнему, по-калмыцки, чурлама. Он в Петербурге возьми да и помри, а по калмыцкому закону мертвого попа надо жечь. Ну и сожгли. Весь Петербург тогда на Охту высыпал: всякому лестно было поглядеть, как попов жгут. И батюшка с матушкой, дай бог им царство небесное, ездили. Матушку-то в народе и помяли: как приехала домой, так меня и принесла... Так-то, Андрюша!.. Ты знал ли, голубчик, что я недоносок?

– Бабушка! да ведь этому больше ста лет. [Сожжение чурламы было в мае 1736 года.]

– Полно-ка ты, – заворчит бабушка, – молод еще надо мной смеяться!.. Сто лет!.. Эк что сморозил!.. Перекрести лоб-от, опомнись... Семьдесят восемь либо семьдесят семь – это может статься, а ты уж гляди-ка что махнул!.. Сто годов!.. Прошу покорно!..

И пойдет, бывало, ворчать бабушка, но не надолго: добрая была старушка и меня очень любила. С малолетства был я ее баловнем. Меня, бывало, так и звали: бабушкин внучек да бабушкин внучек. И она очень это любила.

Глуха под старость стала и видела плохо, но память сохранила редкую. И, как часто бывает с людьми преклонных лет, хорошо помнила только время молодости. Как начнет, бывало, свои рассказы про времена елизаветинские да екатерининские – все до подробности расскажет, а французского погрому не помнила, хоть и вывезли ее из Москвы за пять часов до вступления Наполеона и она, крестясь и глухо рыдая, всю ночь проглядела из подмосковной на страшное зарево славного пожара.

– Как же это вы забыли, бабушка, как Наполеон-от в Москву приходил? – спросишь, бывало, ее.

– Нет, милый Андрюша, не припомню. Не припомню, родной... И долго жила на Москве, а такого не помню... Да кто он такой был? По прозвищу из чужестранцев, должно-быть?

– Француз, бабушка.

– Француз!.. Нет, моя радость, такого не помню. И хвастать не хочу. Много ведь французов-то тогда на Москве проживало... Да он кто таков? Танцовщик аль гувернер, может статься?

– Император, бабушка.

– Император!?. Как так император?... Какой?

– Император французов, бабушка.

– Перестань, Андрей!.. Грех над бабушкой смеяться. Господь счастье отнимет... Смотри-ка, что вздумал. Нашел у французов императора!.. А еще учишься!.. Нехорошо... Императоров, mon сœur, во всем свете только двое – наш да еще римский; салтан турецкий тоже в ранге императора состоит, только не совсем, для того, что некрещенный. А у французов, mon сœur, король, roi de France et de Navarre. {Король Франции и Наварры. (франц.)} Да... Как нынешнего-то зовут? Louis seize все еще царствует, аль дофин воцарился?

– Эх, бабушка, чего хватилась! Да теперь уж лет пятьдесят, как Людовику головку срубили.